

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: После революции (1 часть)

(автор - Вилли Эс, лучший порнограф Рунета) Босой и голый от пояса до пят, Дмитрий прокрался к соседней спальне, где на широкой кровати спала квартирная хозяйка, Анна Егоровна, - спала одна уже несколько месяцев. Это Дмитрий знал точно, потому как её муж, обиженный на весь белый свет из-за отставки, начал попивать, и, дабы не беспокоить молодую супругу, уединялся после ужина в своём кабинете с графинчиком водки, после опорожнения которого там же в креслах и засыпал. Остановившись возле хозяйской спальни, Дмитрий приблизил ухо к двери и прислушался. «Хр...хр-р...» - слабо доносилось из-за двери. Дмитрий взялся за дверную ручку и потянул её на себя. Он знал, что на ночь хозяйка обычно не запиралась на ключ, а делала это только тогда, когда с помощью горничной Дунечки переодевалась, примеряя новые платья. Так и есть – дверь подалась, но с каким ужасным скрипом! Дмитрий замер с сильным сердцебиением. «Хр... хр-р...» - мерно раздавалось в комнате. Дмитрий проскользнул в полуоткрытую дверь и осторожно притворил её. Подойдя к кровати, он остановился. Из окна с улицы проникал желтоватый свет фонаря, косой полосой ложась на постель и освещая плечо Анны Егоровны в ночной рубашке и её голую ключицу. Дмитрий откинул одеяло и юркнул к хозяйке, пристроившись сбоку, ощущая теплоту нагретой ею простыни. От кружевного нижнего белья женщины исходил тонкий запах духов. Дмитрий со сладострастной дрожью подумал, как руки её старого мужа стягивали с неё одежду и нижнее бельё. Как она лежала в этой же постели, голая и жаркая, и от прикосновений мужа колебались её груди, а он жадно раздвигал её красивые белые ноги... Но теперь не муж, а он, её квартирант и тайный воздыхатель Дмитрий лежит рядом с ней, и... хватит ли у него смелости исполнить желаемое? Дмитрий медленно протянул руку вперёд... «Хр...хр-р...» - продолжала негромко похрапывать хозяйка. Дмитрий положил ладонь на внушительный холм её груди. Она была такой упоительно тёплой! Юноша чуть стиснул этот холм плоти. Храп прекратился. Сердце Дмитрия бешено колотилось. Он готов был к чему угодно... Но хозяйка не проснулась – вздохнув, она перевернулась на бок, спиной к Дмитрию и, побормотав что-то невнятное со сна и причмокнув, тихо засопела. Дмитрий придвинулся ближе, задев членом пышный зад Анны Егоровны, прикрытый тонкой батистовой тканью. Подобравшись ещё теснее, Дмитрий прижался фаллосом к её телу. - Кха!.. Кха-кха... Кто здесь? – хриловатым сонным голосом спросила хозяйка. – Ипочка, это ты? Ипочкой Анна Егоровна в минуты лицемерной супружеской нежности называла мужа, Иполита Петровича. Дмитрий решил воспользоваться её ошибкой. Раз она приняла его за своего мужа – пусть хоть с полминутки пребывает в этом заблуждении! Он и за эти полминутки сумеет получить немало удовольствия, а дальше пусть будет, что будет... Дмитрий принялся шарить по телу своей возлюбленной и разминать её груди. - Какой ты... что на тебя нашло?.. – ласково и одобрительно пробормотала всё ещё полусонная хозяйка, поворачиваясь на спину. Дмитрий ткнулся лицом в её грудь. Видимо, часть его лица на мгновение попала в полосу света. Анна Егоровна резко отпрянула и попыталась сесть на постели: - Кто это?! – вскрикнула она, с силой натягивая на себя одеяло. – Что вам здесь нужно?! Прочь, я закричу!.. Дмитрий схватил её одной рукой за плечо, и другой зажал ей рот: - Тихо! Анна Егоровна, это я, Дмитрий! - М-м! – промычала та сквозь его ладонь. - Я это, я! Мадам... Успокойтесь же, это же я, Дмитрий! Дмитрий осторожно отнял ладонь от губ Анны Егоровны.

- Ты?! – негодующим шёпотом воскликнула она. – Что ты здесь делаешь?! - Тихо!.. Сударыня, успокойтесь, я всё объясню... - Да уж объясни, пожалуйста! Но для начала слезь с моей постели! Срам какой – залез в постель к своей благодетельнице среди ночи! Слезай сейчас же! – сердито шипела Анна Егоровна, в праведном возмущении и ночном сумраке даже не заметив, что её квартирант-студент стоит перед ней полуголый. Дмитрий повинился. Он встал рядом с диваном, вновь попав в полосу света. Анна Егоровна тихо ахнула: - Ты что, - голый?! Тьфу! – она со стоном отвращения отвернулась. – Ну говори же скорее – что случилось? – сквозь зубы процедила она. – Пожар у нас, что ли? Или большевики с обыском? - Ни пожара, ни большевиков, всё спокойно... - Так какого же ляда ты являешься сюда ночью, да ещё голый? Ты что, пьян? Вот не хватало мне одного пропойцы в доме, так ещё и второй появился! Убирайся спать, утром мы с тобой поговорим! – разъярённая женщина упала на подушки, отвернувшись к стене и как бы давая понять, что разговор окончен. - Сударыня... - начал Дмитрий, когда хозяйкино словоизвержение приостановилось. – Позвольте объяснить... - Ну? – вновь повернулась хозяйка. - Я... - Дмитрий присел на край кровати, переходя на «ты». – Я хочу тебе сказать... одну вещь... - Что – эта вещь так важна, что не может подождать до завтрашнего дня? – язвительно произнесла Анна Егоровна. - Да, не может! Да, важна! – горячо бросил Дмитрий, и замолк в нерешительности. - Ну?! - Анна Егоровна... Аннушка... я хочу тебя. Повисло молчание. Затем зашуршали простыни. Анна Егоровна слезла с постели, но как-то боком, обходя Дмитрия. Так же боком она просеменила к столику и зажгла керосинку. Потом с нею подошла к сидящему на постели юноше. Брови её были нахмурены. - Сударь мой! Вы не больны ли? – совсем другим, озабоченным тоном произнесла она. – Я сейчас доктора вызову... - Нет! – Дмитрий сбросил её ладонь со лба. – Здоров я! Единственный доктор, который мне нужен – это ты... Анна Егоровна присела рядом с Дмитрием. - Что с тобою случилось? Что ты такое говоришь? – обеспокоенно проговорила Анна Егоровна. Вместо ответа Дмитрий схватил Анну Егоровну и повалил её на подушки. - А! Что ты делаешь? Прекрати немедленно! – отбиваясь, сдавленно пыхтела Анна Егоровна. Дмитрий же, удерживая её руками, пытался зубами сорвать с её груди рубашку. Пуговицы отлетели, в образовавшемся широком вырезе развалились крупные груди Анны Егоровны. Дмитрий набросился на них жадно, как хищник на жертву, хватая губами соски, с чмоканьем и прикусом целуя белую плоть. - Ф... Х... Да... уй-ди-же-ты, оглашенный!.. – изо всех сил отпихиваясь, боролась с молодым человеком Анна Егоровна. Наконец, ей удалось отпихнуть его от себя. Тяжело дышащие, они сидели на постели рядом – Дмитрий, чуть отвернув лицо в сторону и кусая ногти, Анна Егоровна – поглядывая на него и безуспешно запахивая разорванную рубашку. - Дмитрий, - наконец строгим и серьёзным тоном произнесла Анна Егоровна. – Я требую, чтобы ты извинился и объяснил мне своё дикое поведение! Дмитрий встал: - Простите, мадам. Я сейчас уйду... я, видать, и вправду болен. Он развернулся, собираясь уходить, но женщина схватила его за руку: - Пстой! Ты что, полагаешь этого достаточно? Ты врываешься ночью к своей квартирной хозяйке, ведёшь себя как... как... как какой-то завзятый театральный герой-любовник, а потом просто просишь извинения, и всё? Нет уж, мон шер, я требую объяснений! Дмитрий сел на стул. - Я уже объяснил... - Не помню, повтори! - Я сказал, что хочу тебя... Вновь воцарилось молчание. - Нет, ты всё-таки болен. Ведь я замужем! Мне тридцать лет! А ты – студент, мальчишка, эсер, бурш!.. - Мне ли этого не знать? Но я хочу тебя! - Это что – ты набрался от этих ужасных революционеров их гадких идей о «свободе половых отношений»? Или у тебя случился неудачный роман с какой-нибудь

певичкой из варьете и ты напился и ищешь утешения? Выкладывайте-ка начистоту, сударь мой! А то ишь – он, видите ли, страстью воспылал! Не сообщить ли о том в имение, твоим родителям? – Анна Егоровна издала нервный смешок. Дмитрий молчал. Что он мог сказать? Что у него, и впрямь, имеется и неудачный роман, и «гадкие идеи» также повлияли на него? Ни то, ни другое он не желал обсуждать. – Ну же! – настаивала Анна Егоровна. – Мне бы хотелось, чтобы ты развеял мои опасения насчёт того, что мой квартирант – больной извращенец! И тут Дмитрий заговорил. Он говорил много и долго. Это было сродни бреду; он говорил, что его и притягивает и пугает то новое, что творится на улицах Петрограда; о том, что он хотел бы эмигрировать, так как не видит своей будущности здесь, в России, потому что Россия – во мгле; о том, что единственный живой островок в сером неуюте и хаосе наступившего беспредела – это дом Анны Егоровны, а разгульное веселье в кабаре пахнет пиром во время чумы, когда жизнь и честь потеряли цену и смысл, когда в подворотнях стреляют, а в кабаках устраивают оргии, не разбирая пола и возраста, и ему в этой смуте не хватает уверенности и любви, уверенности и любви, оттого и сама любовь превращается в сладкий яд вседозволенности, который и страшит, и манит... Дмитрий говорил всё то, что и сам вряд ли чётко осознавал, а если осознавал, то прятал в себе, подавлял, и вот оно вырвалось наружу. Под конец своего сбивчивого объяснения Дмитрий начал всхлипывать. У Анны Егоровны, слушавшей его, выражение лица менялось, приобретая то черты гадливости, то сочувствия, то задумчивости, то сопереживания... Она чувствовала, что в словах Дмитрия заключена та же душевная смута, которую и она сама носила в себе. Представители их сословия с приходом нового порядка оказывались ненужными членами общества, и перед ними разверзалась пропасть, угрожающая их существованию, и остро, как инстинкт самосохранения проявлялось желание человеческого тепла, а его не хватало, не только в других людях, но и в близких... родственники успели эмигрировать, а муж... когда Ипполит Петрович говорил ей ободряющие слова? Он и сам растерян... когда он последний раз по-супружески ласкал её? И не вспомнить... В сущности, она и сама готова была бы сей же час броситься в объятия любого, кто хоть на миг утопит её в огне страсти и тем самым даст возможность забыться, забыть безнадежную холодную действительность ставшего чужим Петербурга-Петрограда... Анна Егоровна прошептала: – Бедный мой, бедный... – и непонятно было, кого она жалеет – ставший чужим Петербург-Петроград, или своего блудливо-заблудшего квартиранта, или, хотя сожаление и было в мужском роде, – саму себя, оголодавшую от отсутствия любви и надежды. Анна Егоровна встала с постели и взяла с кресла шаль. Зябко передёрнув плечами, накинула на них расшитую ткань. Затем, поколебавшись, подошла к Дмитрию, который неподвижно сидел на стуле, опустив голову. Анна Егоровна, придерживая концы шали, положила руки на плечи Дмитрия, словно два крыла. – Всё образуется, мой хороший, всё непременно образуется... – задумчиво сказала она, глядя блестящими глазами на фонарь за окном. Дмитрий под своим покровом касался лицом тонкой ткани хозяйкиной ночной рубашки. Он видел в разорванном им и кое-как запахнутом вырезе смутно белеющие, раздваивающиеся груди. Вожделение вновь проснулось в нём. Вслед за этим он ощутил, что его желанная, переступив ногами, встала поближе к нему, и теперь её груди тесно прижались к его лицу. Дмитрий, осторожно двигая подбородком, разворошил кружева и рюши, открывая бюст Анны Егоровны. Замерев на секунду, словно желая проверить, не воспоследует ли отрицательная реакция на его вольность, Дмитрий прильнул к груди женщины, запечатлев около соска прочувствованный

поцелуй... Анна Егоровна сняла свои руки с плеч Дмитрия и сама полностью оголила свой бюст. - Аннушка... - прошептал Дмитрий. - Молчи... - в ответ прошептала Анна Егоровна. Дмитрий молчал, да и не в состоянии он был говорить, поскольку Анна Егоровна уже совала ему в рот кончики грудей точно грудному младенцу, и Дмитрий начал лакомиться этими сладкими ягодами, которые по мере потребления становились всё больше. От движения его губ и языка Анна Егоровна начала подёргиваться всем телом. Её бросило в озноб. - М-м... а-а-а!.. – запрокинув голову, тихо простонала она. Дмитрий протянул руки и несмело, в любой момент будучи готов отдернуть их, положил ладони на бёдра Анны Егоровны. Затем, осмелев, двинул ладони вниз и взад, пальцы его, скомкав тонкую ткань, стиснули пышные и упругие мячи её ягодиц. Дмитрий быстро нашарил правой рукой край хозяйкиной длинной ночной рубашки, задрал его, просунул ладонь между гладких колен Анны Егоровны и от коленной чашки скользнул ладонью вверх, по её ляжке к жаркому паху. Спутанные волосы, покатый лобок, и – о, чёрт! – гладкие, мягкие и легко сминающиеся пластиночки... - Вы весьма смелы, молодой человек, - вдруг негромко и насмешливо произнесла Анна Егоровна. (ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)